Большой человек

Всеволод Сергеевич Соловьев

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Всеволод Соловьев так и остался в тени своих более знаменитых отца (историка С. М. Соловьева) и младшего брата (философа и поэта Владимира Соловьева). Но скромное место исторического беллетриста в истории русской литературы за ним, безусловно, сохранится.

Помимо исторических романов представляют интерес воспоминания

- Вс. С. СОЛОВЬЕВЪ
  - I
  - II
  - III
  - IV
  - V
  - VI
  - VII
  - VIII
  - IX
  - X
  - XI
- notes
  - 1

Вс. С. СОЛОВЬЕВЪ
БОЛЬШОЙ ЧЕЛОВѢКЪ
(Изъ моихъ воспоминаній)

I

Я зналъ Ѳедора Михайловича Достоевскаго не просто какъ знакомаго — онъ былъ однимъ изъ самыхъ горячихъ увлеченій моей юности, онъ былъ моимъ учителемъ и исповѣдникомъ. Особенныя обстоятельства помогли моему съ нимъ сближенію съ первой же минуты нашей встрѣчи, и сближеніе это относится именно къ тому періоду его жизни, когда онъ былъ почти одинокимъ и поддерживалъ сношенія только съ ограниченнымъ кружкомъ своихъ старыхъ друзей.

Къ то время Достоевскій имѣлъ на меня рѣшительное вліяніе, и я придавалъ большое значеніе почти каждому сказанному мнѣ имъ слову. Поэтому я имѣлъ обычай тогда же записывать многіе наши разговоры, его разсказы, и по преимуществу разсказы о себѣ самомъ. Я храню нѣкоторыя его интересныя письма. Все это даетъ мнѣ теперь возможность сразу и легко разобраться въ моихъ воспоминаніяхъ, не боясь ошибокъ моей памяти.

Мнѣ только жаль, что я не могу въ настоящее время разсказать всего, что у меня записано и что я помню — я не хочу обвиненій въ нескромности, не хочу много говорить о живыхъ еще людяхъ, и потому мнѣ остается представить только «отрывки» изъ моихъ воспоминаній о Ѳедорѣ Михайловичѣ. Жаль мнѣ еще и то, что, говоря о немъ, я неизбѣжно долженъ говорить и о себѣ; но самое свойство и форма личныхъ воспоминаній должны въ этомъ оправдать меня передъ читателями.

Достоевскій сдѣлался любимѣйшимъ моимъ писателемъ съ той самой поры, когда я прочелъ первую изъ повѣстей его, попавшуюся мнѣ подъ руку, — а это случилось въ самые ранніе годы моего отрочества. Всякій художникъ-писатель тогда легко овладѣвалъ моей душой, увлекалъ и заставлялъ переноситься въ міръ своихъ образовъ и фантазій. Но, выходя изъ-подъ этого обаянія я сейчасъ же и отрезвлялся. Не то было со мной при чтеніи Достоевскаго.

Это чтеніе составляло для меня высочайшее наслажденіе и въ то же время муку. Страстный, страдающій авторъ съ первой же страницы схватывалъ меня и уносилъ противъ воли въ свое мрачное царство, гдѣ онъ собиралъ все, что только есть томнаго, больного, мучительнаго и безобразнаго въ нашей общественной и личной жизни, гдѣ свѣтлые и здоровые образы являются какъ исключеніе. Я чувствовалъ, что онъ вскрываетъ такую глубину человѣческаго «я» и освѣщаетъ въ ней такія явленія, что становилось страшно. Онъ находилъ выраженіе самымъ неуловимѣйшимъ ощущеніямъ и мыслямъ. Это былъ какой-то,

горячечный сонъ — яркій, мучительный, потрясающій. Грезилось что-то огромное, сложное. Все перепутано, все кружится, несется въ страстномъ вихрѣ, и надъ всѣмъ этимъ царитъ одно томительное, давящее, и необычайное, сильное ощущеніе. И вдругъ этотъ мракъ, этотъ ужасъ озаряются кроткимъ свѣтомъ, раздается голосъ любви, прощенія, примиренія. Страхъ отходитъ изъ глубины души, поднимаются тихія слезы…

Чтеніе окончено, но впечатлѣніе его остается надолго. Нервы потрясены, мысль работаетъ. Этотъ горячечный сонъ, въ которомъ почти всегда такая путаница образовъ, положеній, въ которомъ все сбито въ одну кучу, часто пригнано въ одно мѣсто, къ одной минутѣ, не смотря на всю свою видимую фантастичность, оказывается полнымъ самой живой, самой глубочайшей жизненной правды.

Этотъ мучительный міръ, эти стоны и вопли страждущей, загрязненной души человѣческой, порывающейся изъ своей грязи, ищущей правды и свѣта и спасаемой любовью — были всегда близки и понятны даже полуребенку, не знавшему жизни. Но время шло, и то, что сначала воспринималось только инстинктивно чуткими нервами, съ каждымъ годомъ сознательнѣе и яснѣе запечатлѣвалось въ мысли.

Появленіе «Преступленія и наказанія» было для меня огромнымъ событіемъ. Я читалъ эту книгу дни и ночи; кончалъ и опять перечитывалъ. Я очень много пережилъ въ то время и вышелъ изъ этой школы совсѣмъ измѣненнымъ.

Потомъ, каждаго новаго романа Достоевскаго я дожидался съ лихорадочнымъ волненіемъ. Но я дожидался не одного романа, но и его автора, потому что этотъ авторъ выступалъ изъ-за каждой строки, и я, никогда не видавъ его, былъ уже съ нимъ близко знакомъ и горячо любилъ его.

Все, что можно было узнать о немъ, объ его жизни — я узналъ, но этого оказывалось очень мало: я не встрѣчался съ людьми, хорошо его знавшими… Еще прошли года, и именно тѣ года первой юности, которые играютъ такую важную роль въ жизни каждаго человѣка, когда идетъ такая неутомимая внутренняя работа. Измѣнялись мысли, взгляды, вкусы, многое передѣлывалось — оставалось, однако, неизмѣннымъ вліяніе творчества Достоевскаго и его собственнаго нравственнаго образа, запечатлѣннаго въ его твореніяхъ.

Я кончилъ университетскій курсъ, переѣхалъ изъ Москвы на житье въ Петербургъ, только что начиналъ знакомиться съ самостоятельной жизнью. У меня не было никакихъ знакомствъ съ литературными кружками и хотя Алексѣй Ѳеофилактовичъ Писемскій далъ мнѣ, передъ отъѣздомъ изъ Москвы, нѣсколько

рекомендательныхъ писемъ къ его петербургскимъ пріятелямъ-литераторамъ — я не воспользовался этими письмами. Я печаталъ гдѣ приходилось лирическія пьески безъ своей подписи, и этимъ все ограничивалось.

II

Въ самомъ концѣ 1872 года, я прочелъ въ газетахъ объявленіе объ изданіи журнала «Гражданинъ» подъ редакціей Достоевскаго. Я думалъ, что онъ все еще заграницей; но вотъ онъ здѣсь, въ одномъ городѣ со мною, я могу его видѣть, говорить съ нимъ. Меня охватила радость, волненіе. Я былъ ужасно молодъ и не сталъ задумываться: сейчасъ, же отправился въ редакцію «Гражданина» узнать адресъ новаго редактора. Мнѣ дали этотъ адресъ. Я вернулся къ себѣ, заперся и всю ночь напролетъ писалъ Достоевскому. Мнѣ любопытно было бы прочесть теперь письмо это. Можетъ быть въ немъ было очень много лишняго, но во всякомъ случаѣ я сказалъ ему все, что могъ сказать человѣку, котораго любилъ такъ долго и который имѣлъ на меня такое вліяніе.

На слѣдующее утро я послалъ это письмо по почтѣ и ждалъ. Прошло три, четыре дня — никакого отвѣта. Но я нисколько не смущался, былъ совершенно увѣренъ, что Достоевскій не можетъ мнѣ не отвѣтить.

Наступилъ новый 1878 годъ. Перваго января, вернувшись къ себѣ поздно вечеромъ и подойдя къ письменному столу, я увидѣлъ среди дожидавшихся меня писемъ визитную карточку, оборотная сторона которой была вся исписана. Взглянулъ — «Ѳедоръ Михайловичъ Достоевскій».

Съ почти остановившимся сердцемъ я прочелъ слѣдующее:

«Любезнѣйшій Всеволодъ Сергѣевичъ, я все хотѣлъ вамъ написать; но откладывалъ, не зная моего времени. Съ утра до ночи и ночью былъ занятъ. Теперь заѣзжаю и не застаю васъ къ величайшему сожалѣнію. Я дома бываю около 8 часовъ вечера, но не всегда. И такъ у меня спутано теперь все по поводу новой должности моей, что не знаю самъ, когда бы могъ вамъ назначить совершенно безошибочно.»

«Крѣпко жму вашу руку. Вашъ Ѳ. Достоевскій».

Я чувствовалъ и зналъ, что онъ мнѣ отвѣтитъ; но эти простыя и ласковыя слова, это посѣщеніе незнакомаго юноши (въ письмѣ своемъ я сказалъ ему года мои) — все это тронуло меня, принесло мнѣ такое радостное ощущеніе, что я не спалъ всю ночь взволнованный и счастливый. Я едва дождался вечера. Я замиралъ отъ восторга и волновался какъ страстный любовникъ, которому назначено первое свиданіе. Въ началѣ восьмого я поѣхалъ. Онъ жилъ тогда въ Измайловскомъ полку, во 2 ротѣ. Я нашелъ домъ № 14, прошелъ въ ворота и спросилъ — мнѣ указали отдѣльный флигелекъ въ глубинѣ двора. Сердце такъ и

стучало. Я позвонилъ дрожащей рукою. Мнѣ сейчасъ же отворила горничная, но я съ минуту не могъ выговорить ни слова, такъ что она нѣсколько разъ и уже съ видимымъ недоумѣніемъ повторила: «Да вамъ что же угодно?»

— Дома Ѳедоръ Михайловичъ? — наконецъ, проговорилъ я.

— Дома-съ, а барыни нѣту — въ театрѣ.

Я взобрался по узкой, темной лѣстницѣ, сбросилъ шубу на какой-то сундукъ въ низенькой передней.

— Пожалуйте, тутъ прямо… отворите двери, они у себя, — сказала горничная я скрылась.

Я прошелъ черезъ темную комнату, отперъ дверь и очутился въ его кабинетѣ. Но можно ли было назвать кабинетомъ эту бѣдную, угловую комнатку маленькаго флигелька, въ которой жилъ и работалъ одинъ изъ самыхъ глубокихъ писателей нашего времени! Прямо, у окна, стоялъ простой старый столъ, на которомъ горѣли двѣ свѣчи, лежало нѣсколько газетъ и книгъ… старая, дешевая чернильница, жестяная коробка съ табакомъ и гильзами. У стола маленькій шкафъ, по другой стѣнѣ рыночный диванъ, обитый плохимъ красноватымъ репсомъ; этотъ диванъ служилъ и кроватью Ѳедору Михайловичу, и онъ же, покрытый все тѣмъ же красноватымъ, уже совсѣмъ вылинявшимъ репсомъ, бросился мнѣ въ глаза черезъ восемь лѣтъ, на первой панихидѣ… Затѣмъ нѣсколько жесткихъ стульевъ, еще столъ — и больше ничего. Но, конечно, все это я разсмотрѣлъ потомъ, а тогда ровно ничего не замѣтилъ — я увидѣлъ только сутуловатую фигуру, сидѣвшую передъ столомъ, быстро обернувшуюся при моемъ входѣ и вставшую мнѣ навстрѣчу.

Передо мною былъ человѣкъ небольшого роста, худощавый, но довольно широкоплечій, казавшійся гораздо моложе своихъ 52 лѣтъ, съ негустой русой бородою, высокимъ лбомъ, у котораго порѣдѣли, но не посѣдѣли мягкіе, тонкіе волосы, съ маленькими, свѣтлыми карими глазами, съ некрасивымъ и на первый взглядъ простымъ лицомъ. Но это было только первое и мгновенное впечатлѣніе — это лицо сразу и навсегда запечатлѣвалось въ памяти, оно носило на себѣ отпечатокъ исключительной, духовной жизни. Замѣчалось въ немъ и много болѣзненнаго — кожа была тонкая, блѣдная, будто восковая. Лица, производящія подобное впечатлѣніе, мнѣ приходилось нѣсколько разъ видѣть въ тюрьмахъ:- это были вынесшіе долгое одиночное заключеніе фанатики-сектанты. Потомъ я скоро привыкъ къ его лицу и уже не замѣчалъ этого страннаго сходства и впечатлѣнія; но въ этотъ первый вечеръ, оно меня такъ поразило, что я не могу его не отмѣтить…

Я назвалъ себя. Достоевскій ласково, добродушно улыбнулся,

крѣпко сжалъ мою руку, и тихимъ, нѣсколько глухимъ голосомъ сказалъ:

— Ну, поговоримъ…

III

Онъ усадилъ меня на стулъ передъ столомъ, сѣлъ рядомъ со мною и началъ набивать толстыя, большія папиросы, часто поднимая на меня тихіе, ласковые глаза.

Онъ, конечно, сразу же замѣтилъ, что передъ нимъ совершенно смущенный и взволнованный юноша и сумѣлъ такъ отнестись ко мнѣ, что чрезъ нѣсколько минутъ моего смущенія какъ не бывало. Мы встрѣтились будто старые и близкіе знакомые послѣ непродолжительной разлуки. Онъ разсказывалъ мнѣ о своихъ дѣлахъ и обстоятельствахъ по поводу новой его должности редактора «Гражданина», передавалъ свои планы, надежды, которыя онъ возлагалъ на это дѣло.

— Только не знаю, не знаю, какъ справлюсь со всѣмъ этимъ какъ разберусь… вотъ у меня есть сюжетъ для повѣсти, хорошій сюжетъ; я разсказалъ М. и онъ умоляетъ меня написать для «Гражданина»; но вѣдь это помѣшаетъ «Дневнику», не могу же я два дѣла разомъ, никогда не могъ; если писать разомъ двѣ различныя вещи — обѣ пропали… ну вотъ и не знаю самъ да что рѣшиться… нынче всю ночь объ этомъ продумаю…

Насколько могъ, я отстаивалъ «Дневникъ», особенно на первое время.

— Вѣдь это, — замѣтилъ я, — такая удобная форма говорить о самомъ существенномъ, прямо и ясно высказаться.

— Прямо и ясно высказаться! — повторилъ онъ. — Чего бы лучше, и, конечно, о, конечно, когда-нибудь и можно будетъ; но нельзя, голубчикъ, сразу, никакъ нельзя, развѣ я объ этомъ не думалъ, не мечталъ!.. да что же дѣлать… ну, и потомъ, есть вещи, о которыхъ если вдругъ, такъ никто даже и не повѣритъ. Вотъ хоть бы о Бѣлинскомъ (онъ раскрылъ No «Гражданина» съ первымъ своимъ «Дневникомъ писателя»), развѣ тутъ я все сказалъ, развѣ то я могъ бы сказать! И совсѣмъ то, совсѣмъ его не понимаютъ. Я хотѣлъ бы просто привести его собственныя слова, — и больше ничего… ну, и не могъ.

— Да почему же?

— По непечатности.

Онъ передалъ мнѣ одинъ разговоръ съ Бѣлинскимъ, который, дѣйствительно, напечатать нельзя и который вызвалъ съ моей стороны замѣчаніе, что вѣдь отъ слова до дѣла еще далеко, у каждаго человѣка могутъ быть самыя чудовищныя быстролетныя мысли и, однако, эти мысли никогда не превращаются въ дѣло, и только иные люди, въ извѣстныя минуты, любятъ съ напускнымъ цинизмомъ какъ бы похвастаться какой-нибудь дикой мыслью.

— Конечно, конечно, только Бѣлинскій-то былъ не таковъ; онъ если сказалъ, то могъ и сдѣлать; это была натура простая, цѣльная, у которой слово и дѣло вмѣстѣ. Другіе сто разъ задумаются, прежде чѣмъ рѣшиться, и все же никогда не рѣшатся, а онъ нѣтъ. И знаете, теперь, вотъ въ послѣднее время, все больше и больше разводится такихъ натуръ: сказалъ — и сдѣлалъ, застрѣлюсь — и застрѣлился, застрѣлю — и застрѣлилъ. Все это — цѣльность, прямолинейность… и, о, какъ ихъ много, а будетъ и еще больше — увидите!..

Я не замѣчалъ, какъ шло время. Переходя отъ одного къ другому, мы начали сообщать другъ другу свѣдѣнія о самихъ себѣ. Я жадно ловилъ каждое его слово. Онъ спросилъ меня о годѣ и днѣ моего рожденья и сталъ припоминать:

— Постойте, гдѣ я былъ тогда?.. въ Перми… мы шли въ Сибирь… да, это въ Перми было…

Онъ разсказалъ, между прочимъ, объ одномъ человѣкѣ, который имѣлъ на него самое сильное вліяніе. Это былъ нѣкто Шидловскій. Черезъ нѣсколько лѣтъ, когда я просилъ Ѳедора Михайловича сообщить мнѣ нѣкоторыя біографическія и хронологическія свѣдѣнія для статьи о немъ, которую я готовилъ къ печати, онъ говорилъ мнѣ:

— Непремѣнно упомяните въ вашей статьѣ о Шидловскомъ, нужды нѣтъ, что его никто не знаетъ и что онъ не оставилъ послѣ себя литературнаго имени. Ради Бога, голубчикъ, упомяните — это былъ большой для меня человѣкъ и стоитъ онъ того, чтобъ его имя не пропало…

Шидловскій, по разсказамъ Достоевскаго, былъ человѣкъ, въ которомъ мирилась бездна противорѣчій: онъ имѣлъ «громадный» умъ и талантъ, не выразившійся ни однимъ писанымъ словомъ и умершій вмѣстѣ съ нимъ; кутежъ и пьянство — и постриженіе въ монахи. Умирая, онъ сдѣлалъ Богъ знаетъ что: онъ былъ тоже въ Сибири, на каторгѣ; когда его выпустили, то изъ желѣза своихъ кандалъ онъ сдѣлалъ себѣ кольцо, носилъ его постоянно и умирая — проглотилъ это кольцо…

Мнѣ хотѣлось узнать что-нибудь достовѣрное объ этой ужасной болѣзни — падучей, которою, какъ я слышалъ, страдалъ Достоевскій, но, конечно, я не могъ рѣшиться даже и издали подойти къ этому вопросу. Онъ самъ будто угадалъ мои мысли и заговорилъ о своей болѣзни. Онъ сказалъ мнѣ, что недавно съ нимъ былъ припадокъ.

— Мои нервы разстроены съ юности, — говорилъ онъ. — Еще за два года до Сибири, во время разныхъ моихъ литературныхъ непріятностей и ссоръ, у меня открылась какая-то странная и невыносимо мучительная нервная болѣзнь. Разсказать я не могу

этахъ отвратительныхъ ощущеній; но живо ихъ помню; мнѣ часто казалось, что я умираю, ну вотъ право — настоящая смерть приходила и потомъ уходила. Я боялся тоже летаргическаго сна. И странно — какъ только я былъ арестованъ — вдругъ вся эта моя отвратительная болѣзнь прошла, ни въ пути, ни на каторгѣ въ Сибири и никогда потомъ я ее не испытывалъ — я вдругъ сталъ бодръ, крѣпокъ, свѣжъ, спокоенъ… Но во время каторги со мной случился первый припадокъ падучей и съ тѣхъ поръ она меня не покидаетъ [1]. Все, что было со мною до этого перваго припадка, каждый малѣйшій случай изъ моей жизни, каждое лицо, мною встрѣченное, все, что я читалъ, слышалъ — я помню до мельчайшихъ подробностей. Все, что началось послѣ перваго припадка, я очень часто забываю, иногда забываю совсѣмъ людей, которыхъ зналъ хорошо, забываю лица. Забылъ все, что написалъ послѣ каторги; когда дописывалъ «Бѣсы», то долженъ былъ перечитывать все сначала, потому что перезабылъ даже имена дѣйствующихъ лицъ…

Онъ разсказалъ мнѣ о своей недавней, второй женитьбѣ, о дѣтяхъ.

— Жена въ театрѣ, дѣти спятъ, — въ слѣдующій разъ увидите… да вотъ — карточка моей маленькой дочки, ее я зову — Лиля. Она тутъ похожа.

Видя, что карточка мнѣ нравится, онъ сказалъ:

— Возьмите ее себѣ.

Потомъ говорилъ о четырехъ послѣднихъ годахъ своей жизни за границей, о русскихъ людяхъ, превратившихся въ европейцевъ и возненавидѣвшихъ Россію, и главнымъ образомъ объ одномъ изъ нихъ, хорошо всѣмъ извѣстномъ человѣкѣ… говорилъ о страсти къ рулеткѣ, о всякой страсти, о любви… Онъ меня исповѣдывалъ…

— Нѣтъ, кто любитъ, тотъ не разсуждаетъ, — знаете ли какъ любятъ! (и голосъ его дрогнулъ и онъ страстно зашепталъ): если вы любите чисто и любите въ женщинѣ чистоту ея и вдругъ убѣдитесь, что она потерянная женщина, что она развратна — вы полюбите въ ней ея развратъ, эту гадость, вамъ омерзительную, будете любить въ ней… вотъ какая бываетъ любовь!..

Было поздно, я сталъ прощаться. Онъ взялъ меня за руку и удержавъ, сказалъ, что ему бы хотѣлось непремѣнно ввести меня въ тотъ литературный кружокъ, къ которому онъ теперь принадлежитъ.

— Вы тамъ встрѣтите очень интересныхъ, очень, очень умныхъ и хорошихъ людей…

— Нисколько въ этомъ не сомнѣваюсь, только я то буду самымъ плохимъ пріобрѣтеніемъ для этихъ людей. Знаете ли, что

я удивительно неловокъ, конфузливъ до болѣзни и иногда способенъ молчать какъ убитый… Если я сегодня, съ вами, не таковъ, то вѣдь это потому, что я много лѣтъ ждалъ сегодняшняго вечера, тутъ совсѣмъ другое…

— Нѣтъ, васъ непремѣнно нужно вылечить — ваша болѣзнь мнѣ хорошо понятна, я самъ страдалъ отъ нея не мало… Самолюбіе, ужасное самолюбіе — отсюда и конфузливость… Вы боитесь впечатлѣнія, производимаго вами на незнакомаго человѣка, вы разбираете ваши слова, движенія, упрекаете себя въ безтактности нѣкоторыхъ словъ, воображаете себѣ то впечатлѣніе, которое произведено вами — и непремѣнно ошибаетесь: впечатлѣніе произведено непремѣнно другое; а все это потому, что вы себѣ представляете людей гораздо крупнѣе, чѣмъ они есть; люди несравненно мельче, простѣе, чѣмъ вы ихъ себѣ представляете…

Я долженъ былъ съ нимъ согласиться, далъ слово исполнить его желаніе и мы условились, что черезъ нѣсколько дней онъ вывезетъ меня въ литературный свѣтъ.

IV

Пріемъ, сдѣланный мнѣ Достоевскимъ, и этотъ вечеръ, проведенный въ откровенной съ нимъ бесѣдѣ, конечно, способствовали нашему скорому сближенію. Я спѣшилъ къ нему въ каждую свободную минуту, и если мы не видѣлись съ нимъ въ продолженіе недѣли, то онъ ужъ и пенялъ мнѣ.

По привычкѣ, онъ работалъ ночью, засыпалъ часовъ въ семь утра и вставалъ около двухъ. Я заставалъ его обыкновенно въ это время въ его маленькомъ, мрачномъ и бѣдномъ кабинетикѣ. На моихъ глазахъ, въ эти послѣднія восемь лѣтъ, онъ перемѣнилъ нѣсколько квартиръ и всѣ онѣ были одна мрачнѣе другой, и всегда у него была неудобная комната, въ которой негдѣ было повернуться. Онъ сидѣлъ передъ маленькимъ письменнымъ столомъ, только что умывшись и причесавшись, въ старомъ пальто, набивая свои толстыя папиросы, курилъ ихъ одна за другою, прихлебывая крѣпчайшій чай или еще болѣе крѣпкій кофе. Почти всегда я заставалъ его въ это время въ самомъ мрачномъ наустроеніи духа. Это сейчасъ же и было видно: брови сдвинуты, глаза блестятъ, блѣдное какъ воскъ лицо, губы сжаты.

Въ такомъ случаѣ, онъ обыкновенно начиналъ съ того, что молча и мрачно протягивалъ мнѣ руку и сейчасъ же принималъ такой видъ, какъ будто совсѣмъ даже и не замѣчаетъ моего присутствія. Но я ужъ хорошо зналъ его и не обращалъ на это вниманія, а спокойно усаживался, закуривалъ папиросу и бралъ въ руки первую попавшуюся книгу.

Молчаніе продолжалось довольно долго, и только время отъ времени, отрываясь отъ набиванія папиросъ или проглядыванія газеты, онъ искоса на меня поглядывалъ, раздувалъ ноздри и тихонько крякалъ. Я ужасно любилъ его въ эти минуты и часто мнѣ очень трудно бывало удержаться отъ улыбки. Онъ, конечно, замѣчалъ, что и я на него поглядываю. Онъ выжидалъ, по мое упрямство часто побѣждало. Тогда онъ откладывалъ газету и обращалъ ко мнѣ свое милое, изо всѣхъ силъ старавшееся казаться злымъ лицо.

— Развѣ такъ дѣлаютъ порядочные люди? — сквозь зубы говорилъ онъ, — пришелъ, взялъ книгу, сидитъ и молчитъ!..

— А развѣ такъ порядочные люди принимаютъ своихъ посѣтителей? — отвѣчалъ я, подсаживаясь къ пому;- едва протянулъ руку, отвернулся и молчитъ!

Онъ тоже улыбался и каждый разъ, въ знакъ примиренія, протягивалъ мнѣ свои ужасныя папиросы, которыхъ я никогда не могъ курить.

— Вы это читали? — продолжалъ онъ, берясь за газету.

И тутъ начиналъ высказываться о какомъ-нибудь вопросѣ дня, о какомъ-нибудь поразившемъ его извѣстіи. Мало-по-малу, онъ одушевлялся. Его живая, горячая мысль переносилась отъ одного предмета къ другому, все освѣщая своеобразнымъ яркимъ свѣтомъ.

Онъ начиналъ мечтать вслухъ, страстно, восторженно о будущихъ судьбахъ человѣчества, о судьбахъ Россіи.

Эти мечты бывали иногда несбыточны, ого выводы казались парадоксальными. Но онъ говорилъ съ такимъ горячимъ убѣжденіемъ, такъ вдохновенно и въ то же время такимъ пророческимъ тономъ, что очень часто я начиналъ и самъ ощущать восторженный трепетъ, жадно слѣдилъ за его мечтами и образами, и своими вопросами, вставками, подливалъ жару въ его фантазію.

Послѣ двухъ часовъ подобной бесѣды, я часто выходилъ отъ него съ потрясенными нервами, въ лихорадкѣ. Это было то же самое, что и въ тѣ годы, когда, еще не зная его, я зачитывался его романами. Это было какое-то мучительное, сладкое опьяненіе, пріемъ своего рода гашиша.

Приходя къ нему вечеромъ, часовъ въ восемь, я заставалъ его послѣ только что оконченнаго имъ поздняго обѣда и тутъ ужъ не приходилось повторять утренней сцены — молчанія и незамѣчанія другъ друга. Тутъ онъ бывалъ обыкновенно гораздо спокойнѣе и веселѣе. Тотъ же черный кофе, тотъ же черный чай стояли на столѣ, тѣ же толстыя папиросы выкуривались, зажигаясь одна о другую.

Разговоръ обыкновенно велся на болѣе близкія, болѣе осязательныя темы.

Онъ былъ чрезвычайно ласковъ, а когда онъ дѣлался ласковымъ, то привлекалъ къ себѣ неотразимо. Въ такомъ настроеніи онъ часто повторялъ слово «голубчикъ». Это дѣйствительно особенно ласковое слово любятъ очень многіе русскіе люди, но я до сихъ поръ не зналъ никого, въ чьихъ устахъ оно выходило бы такимъ задушевнымъ, такимъ милымъ.

— Постойте, голубчикъ! — часто говорилъ онъ, останавливаясь среди разговора.

Онъ подходилъ къ своему маленькому шкафику, отворялъ его и вынималъ различныя сласти: жестянку съ королевскимъ черносливомъ, свѣжую пастилу, изюмъ, виноградъ. Онъ ставилъ все это на столъ и усиленно приглашалъ хорошенько заняться этими вещами. Онъ былъ большой лакомка, я не уступалъ ему въ этомъ. И во время дальнѣйшаго разговора мы не забывали жестянку и корзиночки.

Часто, по средамъ, просидѣвъ часовъ до десяти, мы отправлялись съ нимъ въ тотъ литературный кружокъ, въ который онъ ввелъ меня. Это было довольно далеко, но шли ли мы, или ѣхали, онъ почти всегда упорно молчалъ дорогой, и я даже замѣчалъ, что онъ дѣйствительно не слышитъ обращенныхъ къ нему вопросовъ.

Онъ появлялся въ кабинетѣ хозяина, гдѣ ужь обыкновенно были налицо нѣкоторые изъ болѣе или менѣе замѣчательныхъ литературныхъ и общественныхъ дѣятелей, появлялся какъ-то сгорбившись, мрачно поглядывая, сухо раскланиваясь и здороваясь, будто все это были его враги, или по меньшей мѣрѣ очень непріятные ему люди. Но проходило нѣсколько минутъ и онъ оживлялся, начиналъ говорить, спорить, и почти всегда оказывался центромъ собравшагося общества.

Онъ былъ больнымъ, раздражительнымъ и искреннимъ человѣкомъ, а потому въ словахъ его, мнѣніяхъ и сужденіяхъ часто встрѣчались большія противорѣчія, но былъ ли онъ правъ, или не правъ, о чемъ бы ни говорилъ, онъ всегда говорилъ съ одинаковымъ жаромъ, съ убѣжденіемъ, потому что высказывалъ только то, о чемъ думалъ и во что вѣрилъ въ данную минуту.

Его редакторская дѣятельность, на которую онъ возлагалъ такія надежды въ первое наше свиданіе, оказалась не вполнѣ удачной, что, впрочемъ, можно было сразу предвидѣть, зная характеръ его и обстоятельства. Репутація журнала была уже составлена, противъ него уже рѣзко и даже неприлично высказалась почти вся тогдашняя журналистика. На новаго редактора со всѣхъ сторонъ посыпались насмѣшки, глупыя и пошлыя. Автора «Преступленія и наказанія» и «Записокъ изъ Мертваго дома» называла сумасшедшимъ, маньякомъ, отступникомъ, измѣнникомъ, приглашали даже публику идти на выставку въ Академію Художествъ и посмотрѣть тамъ портретъ Достоевскаго, работы Перова, какъ прямое доказательство, что это сумасшедшій человѣкъ, мѣсто котораго въ домѣ умалишенныхъ.

По своей натурѣ болѣзненный, раздражительный, нервный и крайне обидчивый, Достоевскій не могъ не обращать вниманія на этотъ возмутительный лай. Какъ ни уговаривали его, между прочими и я, просто не читать этой неприличной брани, не пачкаться ею, онъ покупалъ каждый номеръ газеты, гдѣ о немъ говорилось, читалъ, перечитывалъ и волновался.

Онъ мечталъ въ первое время заставить общество слушать себя я своихъ единомышленниковъ посредствомъ редактируемаго имъ журнала; но скоро убѣдился, что это крайне трудно, почти невозможно. Журналъ начался слишкомъ односторонне, и, хотя

къ его редакціи примыкало нѣсколько умныхъ и талантливыхъ людей, но ихъ было очень мало и, имѣя другія обязанности, они не могли отдавать журналу всѣ свои силы. Затѣмъ, у журнала были слишкомъ небольшія матеріальныя средства, случайные сотрудники были такъ плохи, что выбирать изъ нихъ было почти нечего.

Наконецъ, Достоевскій не былъ вполнѣ самостоятеленъ какъ редакторъ; но еслибъ онъ и оказался самостоятельнымъ, полноправнымъ хозяиномъ и собственникомъ журнала, то все же врядъ ли бы этотъ журналъ пошелъ. Достоевскій былъ художникъ-романистъ, горячій и искренній публицистъ-мыслитель, но онъ всегда былъ непрактичнымъ человѣкомъ, плохимъ администраторомъ; онъ не годился въ редакторы. При этомъ надо принять во вниманіе и то, что онъ былъ человѣкъ порыва, увлеченія…

Одинъ разъ я его засталъ съ какой-то книгой въ рукѣ; онъ находился въ возбужденномъ состояніи.

— Что это? что вы читаете?

— Что я читаю?! — сейчасъ же отправляйтесь и купите эту книгу — это повѣсти Кохановской.

— Я ихъ знаю… читалъ… очень милыя повѣсти; не особенно сильный, но оригинальный и симпатичный талантъ.

— Стыдитесь! — закричалъ онъ, — какъ вы судите, да знаете ли бы, понимаете ли, что это за повѣсти? — я сейчасъ бы отдалъ самыя лучшія мои вещи, отдалъ бы «Преступленіе и наказаніе», «Записки изъ Мертваго дома», чтобы только подписаться подъ этими повѣстями… Вотъ это какая книга! — Да я не знаю, гдѣ у насъ лучшія, есть ли онѣ?! кто такъ пишетъ!..

Противорѣчить ему, доказывать, что онъ самъ фантазируетъ на тему автора и восхищается плодами своей фантазіи, было невозможно.

А на слѣдующій же день, именно на слѣдующій день, онъ, говорилъ:

— Нѣтъ, наши женщины совсѣмъ не умѣютъ писать; вотъ, напримѣръ, Кохановская, у ней есть талантъ, есть чувство, даже кой-какія мысли, но какъ она пишетъ, какъ пишетъ!.. развѣ можно такъ писать?!

— Помилуйте, Ѳедоръ Михайловичъ, да не вы ли вчера съ жаромъ объявляли, что готовы отдать всѣ свои романы, чтобы подписаться подъ ея повѣстями! — невольно крикнулъ я.

Онъ остановился, сердито взглянулъ на меня и сквозь зубы проговорилъ:

— Никогда ничего подобнаго я не могъ сказать… я не помню.

И я убѣжденъ, потому что хорошо зналъ его, что онъ

дѣйствительно не помнилъ сказаннаго. Онъ могъ забыть, что угодно, но какъ наканунѣ, такъ и теперь, онъ былъ совершенно искрененъ. Это было впечатлѣніе минуты…

V

Онъ выдержалъ годъ своего редакторства и оказался крайне утомленнымъ. Не то чтобы дѣла было много, но онъ очень медленно работалъ и работа была не по немъ. А главное, явилось убѣжденіе, что изъ дѣла, на которое возлагались такія большія надежды, не можетъ выйти ожидаемаго результата. Наконецъ, онъ не могъ разомъ работать двѣ работы. Онъ все собирался писать новый романъ и не находилъ времени, а между тѣмъ матерьялу накопилось достаточно, пора было высказаться въ образахъ, въ широкой картинѣ.

Въ началѣ 1874 года, онъ сталъ мнѣ все чаще и чаще жаловаться на свое положеніе и, наконецъ, объявилъ, что дотянетъ только до лѣта и лѣтомъ освободится. Тутъ именно, весною 74 года, по различнымъ моимъ обстоятельствомъ, я видался съ нимъ рѣже. Какъ то онъ заѣхалъ ко мнѣ и, не заставъ меня, оставилъ записку, въ которой между прочимъ объявлялъ, что черезъ нѣсколько дней долженъ засѣсть на гауптвахту въ качествѣ редактора «Гражданина».

Утромъ, 22 марта, пришелъ ко мнѣ Аполлонъ Николаевичъ Майковъ.

— А я къ вамъ знаете откуда? — сказалъ онъ, — отъ узника: сидитъ нашъ Ѳедоръ Михайловичъ… ступайте къ нему, онъ ждетъ васъ.

— Въ какомъ же онъ настроеніи?

— Въ самомъ лучшемъ; непремѣнно отправляйтесь.

Мы побесѣдовали нѣсколько минутъ, и я поѣхалъ въ извѣстный уголокъ Сѣнной площади. Меня тотчасъ же пропустили. Я засталъ Ѳедора Михайловича въ просторной и достаточно чистой комнатѣ, гдѣ кромѣ него въ другомъ углу былъ какой-то молодой человѣкъ, плохо одѣтый и съ самой безцвѣтной физіономіей.

Ѳедоръ Михайловичъ сидѣлъ за маленькимъ простымъ столомъ, пилъ чай, курилъ свои папиросы и въ рукахъ его была книга. Онъ мнѣ обрадовался, обнялъ и поцѣловалъ меня.

— Ну, вотъ и хорошо, что пришли, — ласково заговорилъ онъ, а то вы совсѣмъ пропали въ послѣднее время. Я собирался даже писать вамъ кой о чемъ, потому что вы мнѣ что-то начинаете не нравиться. Скажите, отчего вы пропали? или на меня сердитесь?.. но я думалъ, думалъ… вамъ не за что на меня сердиться.

— Да я и не думаю сердиться, дѣйствительно не за что; напротивъ, я сколько разъ къ вамъ собирался, но вотъ никакъ не

могъ собраться: я нигдѣ не бываю; по цѣлымъ днямъ сижу дома.

Онъ задумался.

— Да, вотъ, я такъ и рѣшилъ, такъ оно и есть… вотъ объ этомъ мы и поговоримъ, голубчикъ.

Я оглянулся на молодого человѣка, бывшаго въ комнатѣ.

Ѳедоръ Михайловичъ сталъ стучать пальцемъ по столу, что въ извѣстныя минуты было одною изъ его привычекъ.

— Не обращайте вниманія, — шепнулъ онъ, — я ужъ его всячески пробовалъ; но это какое-то дерево, можетъ и разберу что такое, только нечего его стѣсняться.

И дѣйствительно, мы сейчасъ же и позабыли о присутствіи этого свидѣтеля.

— Видите, что я хотѣлъ вамъ сказать, — заговорилъ Достоевскій, — такъ у васъ не можетъ продолжаться, вы что-нибудь съ собою сдѣлайте… и не говорите и не разсказывайте… я все знаю, что вы мнѣ хотите сказать, я отлично понимаю вашэ состояніе, я самъ пережилъ его. Это та же моя нервная болѣзнь, можетъ быть, въ нѣсколько иной формѣ, но въ сущности то же самое. Голубчикъ, послушайте меня, сдѣлайте съ собою что-нибудь, иначе можетъ плохо кончиться… Вѣдь я вамъ разсказывалъ — мнѣ тогда судьба помогла, меня спасла каторга… совсѣмъ новымъ человѣкомъ сдѣлался… И только что было рѣшено, такъ сейчасъ всѣ мои муки и кончилась, еще во время слѣдствія. Когда я очутился въ крѣпости, я думалъ, что тутъ мнѣ и конецъ, думалъ, что трехъ дней не выдержу, и — вдругъ совсѣмъ успокоился. Вѣдь я тамъ что дѣлалъ?.. я писалъ «Маленькаго героя» — прочтите, развѣ въ немъ видно озлобленіе муки? Мнѣ снились тихіе, хорошіе, добрые сны, а потомъ, чѣмъ дальше, тѣмъ было лучше. О! это большое для меня было счастіе: Сибирь и каторга! Говорятъ: ужасъ, озлобленіе! о законности какого-то озлобленія говорятъ! ужаснѣйшій вздоръ! Я только тамъ и жилъ здоровой, счастливой жизнью, я тамъ себя понялъ, голубчикъ… Христа понялъ… русскаго человѣка понялъ, и почувствовалъ, что и я самъ русскій, что я одинъ изъ русскаго народа. Всѣ мои самыя лучшія мысли приходили тогда въ голову, теперь онѣ только возвращаются, да и то не такъ ясно. Ахъ, если бы васъ на каторгу!

Это было сказано до такой степени горячо и серьезно, что я не могъ не засмѣяться и не обнять его.

— Ѳедоръ Михайловичъ, за что же меня на каторгу?! или вы мнѣ будете совѣтовать, чтобы я пошелъ да убилъ кого-нибудь?!

Одъ самъ улыбнулся.

— Да, конечно… ну, придумайте что-нибудь другое. Но знаете, вѣдь это было бы для васъ самымъ лучшимъ.

— Не въ одной Сибири каторга, — сказалъ я, — ее можно найти и здѣсь, но я все же себѣ этого не желаю, хотя то, что вы называете моей нервной болѣзнью, меня очень мучаетъ и тревожитъ за будущее; меня дѣйствительно начинаетъ одолѣвать невыносимая апатія и хотѣлось бы изъ нея выхода.

— Такъ придумайте… придумайте, рѣшитесь на какой-нибудь внезапный, отчаянный шагъ, который бы перевернулъ всю жизнь вашу. Сдѣлайте такъ, чтобы кругомъ васъ было все другое, все новое, чтобы вамъ пришлось работать, бороться: тогда и внутри васъ все будетъ ново, тогда вы познаете радость жизни, будете жить какъ слѣдуетъ. Ахъ! жизнь хорошая вещь; ахъ, какъ иногда хорошо бываетъ жить! Въ каждой малости, въ каждомъ предметѣ, въ каждой вещицѣ, въ каждомъ словѣ, сколько счастья!.. Знаете ли, мнѣ вотъ хорошо сегодня: эта комната, это сознаніе, что я запертъ, что я арестантъ, мнѣ столько напоминаетъ, столько такого хорошаго, и я вотъ думаю: Боже мой! какъ я мало тогда еще цѣнилъ свое счастіе; я тогда научился наслаждаться всѣмъ; но вернись теперь то время, я бы еще вдвойнѣ наслаждался…

Онъ еще долго говорилъ на эту тему, а потомъ вдругъ схватилъ книгу, за которой я засталъ его, и сказалъ:

— Вотъ чѣмъ я теперь зачитываюсь: это вещь замѣчательная, великая вещь!.. прочтите ее непремѣнно.

Книга была: «Les Miserables» Виктора Гюго. И горячая похвала этой книгѣ, даже восторгъ передъ нею, оказался не капризомъ, но минутнымъ впечатлѣніемъ. Достоевскій, до послѣднихъ дней своихъ, восхищался этой книгой. Тщетно я говорилъ ему, что хотя въ «Les Miserables» есть большія достоинства, но есть и большіе недостатки, что мѣстами растянуто и чрезвычайно сухо, что автору «Преступленія и наказанія» совсѣмъ уже нечего преклоняться передъ «Les Miserables», — онъ продолжалъ восхищаться и всегда находилъ въ этой книгѣ то, чего въ ней нѣтъ…

Между тѣмъ намъ пора была разстаться. Да онъ и самъ торопилъ меня съѣздить къ его женѣ, успокоить ее, сказать, что онъ совсѣмъ здоровъ и вообще прекрасно себя чувствуетъ.

— Только вы, голубчикъ, пожалуйста, тихонько, чтобы какъ нибудь прислуга не услышала; а то вѣдь какъ узнаютъ, что я сижу, такъ сейчасъ же подумаютъ, что я укралъ что нибудь…

VI

Достоевскій осуществилъ свое желаніе — освободился отъ редакторства «Гражданина» и слѣдующую зиму прожилъ въ Старой Русѣ, приготовляя къ печати новый романъ — «Подростокъ».

Въ началѣ 1875 года, онъ пріѣхалъ на нѣсколько дней въ Петербургъ и навѣстилъ меня. Я встрѣчалъ его совсѣмъ въ новой обстановкѣ, среди новыхъ заботъ и занятій, которыя стряхнули съ меня такъ озабочивавшую его мою апатію. Намъ было о чемъ поговорить и я чрезвычайно обрадовался его посѣщенію. Но сразу, только что онъ вошелъ, я уже по лицу его увидѣлъ, что онъ до крайности раздраженъ и въ самомъ мрачномъ настроеніи духа.

Онъ сейчасъ же и высказалъ причину этого раздраженія.

— Скажите мнѣ, скажите прямо — какъ вы думаете: завидую ли я Льву Толстому? — проговорилъ онъ, поздоровавшись со мною и пристально глядя мнѣ въ глаза.

Я конечно очень бы удивился такому странному вопросу, если бы не зналъ его; но я ужъ давно привыкъ къ самымъ неожиданнымъ «началамъ» нашихъ встрѣчъ и разговоровъ.

— Я не знаю, завидуете ли вы ему, но вы вовсе не должны ему завидовать, — отвѣчалъ я. — У васъ обоихъ свои особыя дороги, на которыхъ вы не встрѣтитесь — ни вы у него ничего не можете отнять, ни онъ у васъ ничего не отниметъ. На мой взглядъ между вами не можетъ быть соперничества, а слѣдовательно и зависти съ вашей стороны я не предполагаю… Только скажите, что значитъ этотъ вопросъ, развѣ васъ кто нибудь обвиняетъ въ зависти?

— Да, именно, обвиняютъ въ зависти… И кто же? Старые друзья, которые знаютъ меня лѣтъ двадцать…

Онъ назвалъ этихъ старыхъ друзей.

— Что же, они такъ прямо вамъ это и высказали?

— Да, почти прямо… Эта мысль такъ въ нихъ засѣла, что они даже не могутъ скрыть ее — проговариваются въ каждомъ словѣ.

Онъ раздражительно заходилъ по комнатѣ. Потомъ вдругъ остановился, взялъ меня за руку, и тихо заговорилъ, почти зашепталъ:

— И знаете ли, вѣдь я дѣйствительно завидую, но только не такъ, о, совсѣмъ не такъ, какъ они думаютъ! Я завидую его обстоятельствамъ, а именно вотъ теперь… Мнѣ тяжело такъ работать, какъ я работаю, тяжело спѣшить… Господи, и всю то жизнь!.. Вотъ я недавно прочитывалъ своего «Идіота», совсѣмъ его позабылъ, читалъ какъ чужое, какъ въ первый разъ… Тамъ есть

отличныя главы… хорошія сцены… у, какія! Ну, вотъ… помните свиданіе Аглаи съ княземъ, на скамейкѣ?.. Но я все же таки увидѣлъ, какъ много недодѣланнаго тамъ, спѣшнаго… И всегда вѣдь такъ — вотъ и теперь: «Отечественныя Записки» торопятъ, поспѣвать надо… впередъ заберешь — отрабатывай, и опять впередъ… и такъ всегда!.. Я не говорю объ этомъ никогда, не признаюсь; но это меня очень мучитъ. Ну, а онъ обезпеченъ, ему нечего о завтрашнемъ днѣ думать, онъ можетъ отдѣлывать каждую свою вещь, а это большая штука — когда вещь полежитъ уже готовая и потомъ перечтешь ее и исправишь. Вотъ и завидую… завидую, голубчикъ!..

— Конечно, все это такъ, сказалъ я, — и все это очень грустно. Но обыкновенно на подобныя разсужденія замѣчаютъ, что необходимость работать — большая помощь для работы, что при обезпеченности легко можетъ явиться лѣнь.

— И это бываетъ, конечно, но если кто залѣнится и ничего не скажетъ, такъ значитъ ему и нечего сказать!

Онъ вдругъ успокоился и сдѣлался кроткимъ и ласковымъ.

Такіе внезапные переходы бывали съ нимъ часто.

Это свиданіе мнѣ особенно памятно потому, что нашъ дальнѣйшій разговоръ больше чѣмъ когда либо убѣдилъ меня въ его ко мнѣ участіи. Совѣты, которые я въ тотъ день получилъ отъ него, принесли мнѣ не мало пользы и долго служили большою нравственной поддержкой. Но все это уже мое личное дѣло и я ограничиваюсь только приведеннымъ выше разговоромъ о «зависти». Я счелъ себя вправѣ передать его, потому-что онъ указываетъ на печальную сторону дѣятельности многихъ нашихъ писателей, и по преимуществу дѣятельности Достоевскаго.

Я знаю, въ какую тоску, въ какое почти отчаяніе приводили его иногда отсутствіе денежныхъ средствъ, забота о завтрашнемъ днѣ, о нуждахъ семьи. Онъ почти всю жизнь не выходилъ изъ денежныхъ затрудненій, никогда не могъ отдохнуть, успокоиться.

Все это тяжело отзывалось на его произведеніяхъ и почти ни однимъ изъ нихъ онъ не былъ доволенъ. Онъ работалъ всегда торопясь, часто не успѣвая даже прочитать имъ написаннаго. А между тѣмъ вѣдь онъ писалъ не легкіе разсказы. У него иногда, въ горячія, вдохновенныя минуты, выливались глубоко-поэтическія сцены, страницы красоты необыкновенной, которыхъ очень много въ каждомъ его романѣ. Но этого было мало: у него бывали глубокія психологическія задачи, въ его головѣ мелькали оригинальныя и замѣчательныя рѣшенія серьезныхъ нравственныхъ вопросовъ. Тутъ минутъ горячаго вдохновенія оказывалось недостаточно, требовалась спокойная работа мысли, а обстоятельства не давали его мысли спокойно работать. Потому

то въ его романахъ такъ много неяснаго, запутаннаго, потому то его романы, и въ особенности послѣдніе, широко задуманные, въ общемъ производятъ впечатлѣніе только матерьяла для настоящихъ романовъ, представляютъ собою нѣчто странное, тяжелое, страдающее отсутствіемъ художественной формы.

Больной, измученный, онъ уставалъ больше и больше; но уставалъ не мыслью, не чувствомъ, а просто уставалъ физически. Ему трудно становилось работать и онъ работалъ медленно. Онъ заранѣе продавалъ свой романъ, который ожидали съ нетерпѣніемъ. Редакція то и дѣло понуждала его высылать скорѣе рукопись. Эти понужденія раздражали его, онъ волновался, спѣшилъ, посылалъ начало и потомъ, торопясь продолженіемъ, почти забывалъ это начало. По мѣрѣ развитія романа являлась необходимость измѣнять то то, то другое, но исполнить этого уже не было возможности — то, что нужно было измѣнить и переработать, оказывалось уже напечатаннымъ. Такимъ образомъ являлись великолѣпные эпизоды, но въ общемъ романъ представлялъ довольно безформенное и во всякомъ случаѣ невыдержанное произведеніе.

Онъ самъ отлично сознавалъ это и подобное сознаніе для художника являлось горькимъ мученіемъ. Онъ сознавалъ, и въ то же время ему болѣзненно хотѣлось, чтобы другіе не замѣчали того, что онъ самъ видитъ. Поэтому всякая похвала доставляла ему большую усладу: она его обманывала. Поэтому замѣчаемое имъ въ комъ либо пониманіе его промаховъ раздражало его, оскорбляло, мучило…

Но я свидѣтельствую, что самъ онъ, въ иныя откровенныя, теплыя минуты, признавался въ своихъ промахахъ, и скорбѣлъ, что судьба ставила его въ невозможность во время исправлять ихъ. Это было горе, горше котораго не можетъ и быть для творца-художника! И передо мною такъ и стоитъ блѣдное, изнеможенное лицо его въ минуты этихъ мучительныхъ признаній.

Я помню одинъ случай. Говоря въ одной изъ газетъ о «Подросткѣ», указывая на прекрасные эпизоды и достоинства этого романа, я все же долженъ былъ сказать и объ его большихъ недостаткахъ. Черезъ нѣсколько дней я пришелъ къ Достоевскому. Онъ встрѣтилъ меня какъ человѣка глубоко его оскорбившаго и между нами произошелъ настолько крупный разговоръ, что я взялъ шляпу и хотѣлъ уходить. Но онъ удержалъ меня, заперъ двери своей рабочей комнатки и началъ оправдываться, доказывать мнѣ, что я ошибался въ статьѣ моей.

Дѣло было въ старикѣ Макарѣ Ивановичѣ, одномъ изъ самыхъ любимыхъ имъ дѣйствующихъ лицъ «Подростка».

Онъ сталъ объяснять мнѣ Макара Ивановича. И конечно

теперь я ужъ не могу взять на себя безпристрастнаго сужденія о «Подросткѣ»: я знаю этотъ романъ не такимъ, каковъ онъ въ печати, а такимъ, каковъ онъ былъ въ замыслѣ автора.

Достоевскій говорилъ часа два, пожалуй еще больше, и я могъ только сожалѣть о томъ, что не было стенографа, который бы записывалъ въ точности слова его. Если бы то, что онъ говорилъ мнѣ тогда, появилось передъ судомъ читателей, то они увидѣли бы одинъ изъ прекраснѣйшихъ образовъ, когда либо созданныхъ художникомъ.

— Такъ вотъ что такое Макаръ! — сказалъ Достоевскій, заканчивая свою горячую рѣчь и мгновенно ослабѣвая. — И неужели вы теперь не согласитесь, что вы написали совсѣмъ не то, что вы меня обидѣли, и я имѣлъ полное право на васъ сердиться?!

Мнѣ тяжело было объяснить ему, что сегодняшній Макаръ не тотъ, о которомъ я говорилъ, судя по напечатанному тексту… Я испугался того впечатлѣнія, которое произвели на него слова мои: онъ сдѣлался вдругъ такимъ страдающимъ, такимъ жалкимъ. Онъ сидѣлъ нѣсколько мгновеній неподвижно, опустивъ голову, сжавъ брови — и вдругъ поднялъ на меня глаза, въ которыхъ не было и тѣни ни недавняго раздраженія, ни недавняго восторга. Эти глаза были кротки и очень печальны.

— Голубчикъ! — сказалъ онъ, особенно задушевно выговаривая свое любимое ласкательное слово. — Я знаю, что вы правы и вы знаете, что я люблю то, что вы пишете, потому что выпишете всегда искренно; но мнѣ было такъ тяжело, что именно вы дотронулись до самаго больного мѣста!.. А теперь забудьте что я наговорилъ, и я тоже забуду… Довольно… довольно!..

Онъ предложилъ мнѣ вмѣстѣ пройтись; но на улицѣ былъ такъ мраченъ, молчаливъ и раздражителенъ, что мнѣ стало тяжело и я съ нимъ простился.

VII

Окончивъ «Подростка», то-есть, высказавъ любимыя мысли, воплотивъ образы, давно мелькавшіе въ воображеніи, Достоевскій не могъ тотчасъ же приняться за подобную же работу — за новый романъ. А между тѣмъ работать было нужно по двумъ причинамъ: во-первыхъ, всякій день выставлялъ новыя явленія общественной жизни, которыя живо затрагивали мыслителя-психолога, о которыхъ хотѣлось сказать ему свое слово; во вторыхъ, работа требовалась для жизни, для содержанія семьи, для окончательнаго устройства запутанныхъ дѣлъ, которыя, наконецъ, мало-по-малу начинали распутываться. Необходимо было рѣшиться на какую нибудь работу. О новомъ редакторствѣ нечего было и думать — оно надоѣло, и въ его успѣхъ, въ его пользу уже не вѣрилось.

Снова стала приходить мысль, начавшаяся было осуществляться еще въ «Гражданинѣ», но затѣмъ позабытая. Достоевскій подумывалъ объ ежемѣсячномъ изданіи своего «Дневника Писателя».

Осенью 1875 года, опять переселясь въ Петербургъ изъ Старой Руссы, онъ мнѣ говорилъ объ этомъ, но только еще какъ о предположеніи. Онъ не рѣшался, боялся неудачи. «Подростокъ» но произвелъ никакого впечатлѣнія, прошелъ почти незамѣченнымъ, въ этомъ романѣ уже замѣчалось большое ослабленіе творческой силы художника. Будетъ ли достаточно подписчиковъ у «Дневника Писателя», не придется ли пережить новую неудачу, новое оскорбительное разочарованіе — ихъ уже и такъ было но мало!..

Въ декабрѣ у него заболѣли дѣти скарлатиной и во все продолженіе шестинедѣльнаго карантина я не могъ съ нимъ видаться, опасаясь за своего ребенка. Но мы переписывались въ это время. Въ концѣ декабря онъ объявилъ въ газетахъ о подпискѣ на «Дневникъ Писателя». Рѣшился — но опасенія все же его не покидали. «Что выйдетъ — не знаю», писалъ онъ мнѣ,- «все зависѣть будетъ отъ 1-го No, который выдамъ въ концѣ января».

Я пророчилъ ему успѣхъ, расчитывая, что необычная, оригинальная форма изданія на первыхъ порахъ заинтересуетъ публику, а затѣмъ заинтересуетъ уже самъ авторъ. Но не такого мнѣнія были литературные и журнальные кружки. На вечерѣ у Якова Петровича Полонскаго, у котораго обыкновенно можно было встрѣтить представителей всевозможныхъ редакцій, людей самыхъ различныхъ взглядовъ, я выслушалъ съ разныхъ сторонъ заранѣе подписанный приговоръ «Дневнику Писателя». Рѣшали

такъ, что изданіе непремѣнно лопнетъ, что оно никого не интересуетъ. Говорили:

— Онъ навѣрное начнетъ опять о Бѣлинскомъ, о своихъ воспоминаніяхъ. Кому это теперь нужно, кому интересно!?

— Ну, а если онъ начнетъ о вчерашнемъ и сегодняшнемъ днѣ? — спрашивалъ я.

— Въ такомъ случаѣ еще того хуже… что онъ можетъ сказать?! онъ будетъ бредить!..

Но и послѣ этого всеобщаго приговора я не переставалъ расчитывать на успѣхъ. Съ его жаромъ, съ его искренностью, обращаясь прямо къ обществу, въ формѣ простой бесѣды — развѣ могъ онъ не заинтересовать? Вѣдь онъ самъ — интереснѣйшее лицо среди самыхъ интересныхъ лицъ ого лучшихъ романовъ — и, конечно, онъ будетъ весь, цѣликомъ въ этомъ дневникѣ «Дневникѣ Писателя!» Любопытно только, съ чего онъ начнетъ…

Январь 1876 года уже наступилъ, а карантинъ въ его домѣ все еще продолжался; я не могъ его видѣть; но онъ самъ вывелъ меня изъ неизвѣстности: 11 января, между прочимъ, онъ писалъ мнѣ:

«Въ 1-мъ No будетъ во-первыхъ самое маленькое предисловіе, затѣмъ кое-что о дѣтяхъ — о дѣтяхъ вообще, о дѣтяхъ съ отцами, о дѣтяхъ безъ отцовъ въ особенности, о дѣтяхъ на елкахъ, безъ елокъ, о дѣтяхъ-преступникахъ… Разумѣется, это не какіе нибудь строгіе этюды или отчеты, а лишь нѣсколько горячихъ словъ и указаній…

„Затѣмъ о слышанномъ и прочитанномъ, — все или кое-что, поразившее меня лично за мѣсяцъ. Безъ сомнѣнія, „Дневникъ Писателя“ будетъ похожъ на фельетонъ, но съ тою разницею, что фельетонъ за мѣсяцъ естественно не можетъ быть похожъ на фельетонъ за недѣлю… Тутъ отчетъ о событіи не столько какъ о новости, сколько о томъ, что изъ него (изъ событія) останется намъ болѣе постояннаго, болѣе связаннаго съ общей, съ цѣльной идеей.

„Наконецъ, я вовсе не хочу связывать себя даваніемъ отчета… Я не лѣтописецъ: это, напротивъ, совершенный дневникъ въ полномъ смыслѣ слова, т. е. отчетъ о томъ, что наиболѣе меня заинтересовало лично, — тутъ даже капризъ…

«Самъ не знаю… выйдетъ ли что нибудь путное, порой кажется, что напрасно взялся; а впрочемъ, что Богъ пошлетъ, только (между нами это) почти ни одной строки еще не написано. Матерьяловъ же (на 1-й No) собрано и записано болѣе чѣмъ на 4 печатныхъ листа»…

Въ назначенный день, первый No вышелъ и сразу произвелъ сильное впечатлѣніе, раскупался нарасхватъ. Даже газеты позабыли о «сумасшедшемъ», «маньякѣ», «измѣнникѣ» и

заговорили въ благопріятномъ тонѣ — ничего другого имъ не оставалось. Подписка превзошла всѣ ожиданія. Успѣхъ наконецъ началъ улыбаться измученному труженику.

Я не стану останавливаться на постепенномъ усиленіи того вліянія, которое горячая, искренняя рѣчь Достоевсклго получала надъ умами его читателей и по преимуществу надъ умами молодого поколѣнія. Но и среди успѣха бывали тяжелыя минуты. Смѣлыя, вдохновенныя мысли, пророческій тонъ Достоевскаго, его противники старались таки осмѣивать.

Время было горячее, тревожное; «восточный вопросъ» снова стоялъ на очереди, сербская война, Черняевъ, добровольцы… чувствовалась неизбѣжность, необходимость великой борьбы… Достоевскій говорилъ смѣло, оригинально, по своему; выставлялъ неожиданные вопросы и неожиданно освѣщалъ ихъ, вдохновенно пророчествовалъ. Завѣтныя мысли и чувства истинно русскаго и искренняго человѣка были многимъ не по душѣ, а этотъ человѣкъ вдобавокъ имѣлъ уже большое вліяніе — и снова поднялись насмѣшки.

«Парадоксы!» кричали газеты — и опять эти крики раздражительно дѣйствовали на Достоевскаго.

Въ іюлѣ 1876 года, онъ писалъ мнѣ изъ Эмса, куда обыкновенно уѣзжалъ для лѣченія:

«…Я уѣхалъ не порѣшивъ и съ нѣкоторыми собственными, самыми необходимыми дѣлами. Но теперь, здѣсь, въ скукѣ, на водахъ, ваше письмецо рѣшительно оживило меня и дошло прямо къ сердцу, а то я сталъ было и очень уже тосковать, такъ какъ, не знаю почему, какъ попадаю въ Эмсъ, сейчасъ начинаю тосковать мучительно, съ ипохондріей, почти безпредметно. Уединеніе ли тому причиной среди восьмитысячной толпы, климатъ ли здѣшній — не знаю, но тоскую здѣсь какъ никто. Вы пишете, что вамъ нужно меня видѣть; а мнѣ-то какъ бы желалось васъ теперь видѣть.

„И такъ іюньская тетрадь „Дневника“ вамъ понравилась. Я очень радъ тому и имѣю на то большую причину. Я никогда еще не позволялъ себѣ, въ моихъ писаніяхъ, довести нѣкоторыя мои убѣжденія до конца, сказать самое послѣднее слово. Одинъ умный корреспондентъ изъ провинціи укорялъ меня даже, что я о многомъ завожу рѣчь въ „Дневникѣ“, многое затронулъ, но ничего еще не довелъ до конца, и одобрялъ не робѣть. И вотъ я взялъ да и высказалъ послѣднее слово моихъ убѣжденій — мечтаній насчетъ роли и назначенія Россіи среди человѣчества, и выразилъ мысль, что это не только случится въ ближайшемъ будущемъ, но уже и начинаетъ сбываться.

„И что же, какъ разъ случилось то, что я предугадывалъ: даже

дружественныя мнѣ газеты и изданія сейчасъ же закричали, что у меня парадоксъ на парадоксѣ, а прочіе журналы даже и вниманія не обратили, тогда какъ, мнѣ кажется, я затронулъ самый важный вопросъ. Вотъ что значитъ доводить мысль до конца! Поставьте какой угодно парадоксъ, но не доводите его до конца и у васъ выйдетъ и остроумно, и тонко, и comme il faut; доведите же иное слово до конца, скажите, напримѣръ, вдругъ: «вотъ это-то и есть Мессія» — прямо и не намекомъ, и вамъ никто не повѣритъ именно за вашу наивность, именно за то, что довели до конца, сказали самое послѣднее ваше слово. А впрочемъ, съ другой стороны, еслибъ многіе изъ извѣстнѣйшихъ остроумцевъ. Вольтеръ, напримѣръ, вмѣсто насмѣшекъ, намековъ, полусловъ и недомолвокъ, вдругъ рѣшились бы высказать все, чему они вѣрятъ, показали бы всю свою подкладку разомъ, сущностью свою, — та повѣрьте, и десятой доли прежняго эффекта не стяжали бы. Мало того — надъ ними бы только посмѣялись. Да человѣкъ и вообще какъ-то не любитъ ни въ чемъ послѣдняго слова, «изреченной» мысли, говоритъ, что:

«Мысль изреченная есть ложь.»

«И вотъ, сами судите, дорого ли мнѣ или нѣтъ, послѣ всего этого, ваше привѣтливое слово за іюньскій No. Значитъ, вамъ понятно было мое слово и вы приняли его именно такъ, какъ я мечталъ, когда писалъ статью свою. За это спасибо, а то я былъ уже немножко разочарованъ и укорялъ себя, что поторопился. И если такихъ понимателей найдется въ публикѣ еще немного, то цѣль моя достигнута и я доволенъ: значитъ, не пропало высказанное слово… А тутъ какъ разъ и обрадовались: „парадоксы! парадоксы!..“ и это говорятъ именно тѣ, у которыхъ никогда ни одной мысли своей не бывало въ головѣ…

„Я пробуду здѣсь до 7-го августа (нашего стиля). Пью здѣсь воды, но никогда бы не рѣшился на муку жить здѣсь, еслибъ эти воды не помогали мнѣ дѣйствительно. Описывать Эмсъ нечего, нечего! Я обѣщалъ августовскій „Дневникъ“ въ двойномъ числѣ листовъ, а между тѣмъ еще и не начиналъ, да и скука, апатія такая, что на предстоящее писаніе смотрю съ отвращеніемъ, какъ на предстоящее несчастье. Предчувствую, что выйдетъ сквернѣйшій No. Во всякомъ случаѣ черкните мнѣ сюда, голубчикъ…“

VIII

По зимамъ 76–77 и 77–78 годовъ мы продолжали довольно часто видаться. И хотя мы жили на двухъ противоположныхъ концахъ города, Достоевскій иногда проводилъ у меня вечера.

Отмѣчу здѣсь одно обстоятельство, конечно, случайное, въ которомъ нѣтъ ничего веселаго, но которое между тѣмъ подавало поводъ къ довольно комичнымъ сценамъ. Онъ пріѣзжалъ ко мнѣ почты всегда послѣ своихъ мучительныхъ припадковъ падучей болѣзни, такъ что нѣкоторые наши общіе знакомые, узнавая, что у него былъ припадокъ, такъ и говорили, что его нужно искать у меня.

Бѣдный Ѳедоръ Михайловичъ имѣлъ достаточно времени привыкнуть къ своимъ припадкамъ, привыкли къ нимъ и ихъ послѣдствіямъ и его старые знакомые, которымъ все это уже не казалось страшнымъ и считалось обыкновеннымъ явленіемъ. Но онъ бывалъ иногда совершенно невозможенъ послѣ припадка; его нервы оказывались до того потрясенными, что онъ дѣлался совсѣмъ невмѣняемымъ въ своей раздражительности и странностяхъ.

Придетъ онъ, бывало, ко мнѣ, войдетъ какъ черная туча, иногда даже забудетъ поздороваться, и изыскиваетъ всякіе предлоги, чтобы побраниться, чтобы обидѣть; и во всемъ видитъ и себѣ обиду, желаніе дразнить и раздражать его… Все-то у меня ему кажется не на мѣстѣ и совсѣмъ не такъ, какъ нужно, то слишкомъ свѣтло въ комнатѣ, то такъ темно, что никого разглядѣть невозможно. Подадутъ ему крѣпкій чай, какой онъ всегда любилъ — ему подаютъ пиво вмѣсто чая! нальютъ слабый — это горячая вода!..

Пробуемъ мы шутить, разсмѣшить его — еще того хуже; ему кажется, что надъ нимъ смѣются…

Впрочемъ, мнѣ почти всегда скоро удавалось его успокоить. Нужно было исподволь навести его на какую-нибудь изъ любимыхъ его темъ. Онъ мало-по-малу начиналъ говорить, оживлялся и оставалось только ему не противорѣчить. Черезъ часъ онъ уже бывалъ въ самомъ миломъ настроеніи духа. Только страшно блѣдное лицо, сверкающіе глаза и тяжелое дыханіе указывали на болѣзненное его состояніе., Но если случайно въ подобный день онъ встрѣчался съ посторонними, незнакомыми людьми, то дѣло усложнялось.

Одинъ разъ, во время одного такого его вечерняго посѣщенія, къ женѣ моей пріѣхали двѣ дамы, которыя, конечно, читали Достоевскаго, но не имѣли о немъ никакого понятія какъ о

человѣкѣ, которыя не знали, что невозможно обращать вниманія на его странности.

Когда раздался звонокъ ихъ, онъ только что еще осматривался и былъ ужасенъ; появленіе незнакомыхъ лицъ его еще больше раздражило. Мнѣ, однако, кой-какъ удалось увести его къ себѣ въ кабинетъ и тамъ успокоить. Дѣло, повидимому, обошлось благополучно; мы мирно бесѣдовали. Онъ ужъ улыбался и не находилъ, что все не на мѣстѣ. Но вотъ пришло время вечерняго чая, и жена моя, вмѣсто того, чтобы прислать его прямо къ намъ въ кабинетъ, вошла сама и спросила: гдѣ мы желаемъ пить чай — въ кабинетѣ или въ столовой?

— Зачѣмъ же здѣсь! — раздражительно обратился къ ней Достоевскій. — Что это вы меня прячете? — нѣтъ, я пойду туда, къ вамъ.

Дѣло было окончательно испорчено. И смѣхъ и горе!.. Нужно было видѣть, какимъ олицетвореніемъ мрака вошелъ онъ въ столовую, какъ страшно поглядывалъ онъ на неповинныхъ ни въ чемъ дамъ, которыя продолжали свою веселую бесѣду, нисколько не заботясь о томъ, что можно при немъ говорить и чего нельзя.

Онъ сидѣлъ, смотрѣлъ, молчалъ, и только въ каждомъ его жестѣ, въ каждомъ новомъ позвякиваньи его ложки о стаканъ, я видѣлъ несомнѣнные признаки грозы, которая вотъ-вотъ сейчасъ разразится. Не помню, по поводу чего одна изъ пріѣхавшихъ дамъ спросила, гдѣ такое Гутуевскій островъ?

— А вы давно живете въ Петербургѣ? — вдругъ мрачно выговорилъ Достоевскій, обращаясь къ ней.

— Я постоянно здѣсь живу, я здѣшняя уроженка.

— И не знаете гдѣ Гутуевскій островъ!.. Прекрасно! Это только у насъ и возможно подобное отношеніе къ окружающему… какъ это человѣкъ всю жизнь живетъ и не знаетъ того мѣста, гдѣ живетъ?!.

Онъ раздражался все больше и больше, и кончилъ цѣлымъ обвинительнымъ актомъ, который произвелъ на преступницу и слушательницъ самое тяжелое впечатлѣніе. Мы же, хозяева, не знали что и дѣлать. По счастью, наша гостья, сначала вслѣдствіе неожиданности сильно озадаченная, скоро поняла, что обижаться ей невозможно и съумѣла, продолжая оставаться веселой, и его мало-по-малу успокоить…

Я разсказалъ этотъ маленькій случай, потому что говорить о Достоевскомъ и не упомянуть объ его странностяхъ — значило бы не дорисовать его образъ. О странностяхъ его передается много разсказовъ и находятся люди, которые эти странности ставятъ ему въ большую вину. Такія обвиненія приходится слышать даже теперь, уже послѣ его смерти.

Конечно, онъ не былъ созданъ для общества, для гостиной. Отъ человѣка, жившаго почти всегда въ уединеніи, проведшаго четыре года въ каторгѣ, десятки лѣтъ работавшаго и боровшагося съ нуждой, отъ человѣка, нервная система котораго была совершенно потрясена страшной, неизлѣчимой болѣзнью — невозможно было требовать умѣнья владѣть собою. Для такого человѣка, и вовсе не въ силу того, что онъ былъ замѣчательный писатель, а просто въ силу всѣхъ обстоятельствъ его жизни, въ силу исключительнаго болѣзненнаго состоянія его организма — нужны были особенныя мѣрки. Его странности могли возмущать незнавшихъ его людей, людей, которымъ до него не было никакого дѣла, но всѣ близко его знавшіе ничуть не смущались и не могли смущаться этими странностями. Мы знали его умъ, его сильный талантъ, разнообразнѣйшія свойства его богато одаренной природы. Болѣзненныя странности давали пищу только для добродушныхъ, веселыхъ разсказовъ о тѣхъ импровизированныхъ водевильныхъ сценахъ, въ которыхъ онъ игралъ грустно-комическую роль.

IX

Теперь я разскажу объ одномъ обстоятельствѣ, которое произвело на Достоевскаго сильное впечатлѣніе, чему я былъ свидѣтелемъ, и о которомъ знаютъ очень немногіе.

Въ концѣ 1877 года, въ ноябрѣ, я заѣхалъ къ нему по обыкновенію около двухъ часовъ и засталъ его, что случалось не часто въ эти часы, въ хорошемъ, даже веселомъ настроеніи духа. Его ничто не раздражало, онъ любилъ всѣхъ и все, проповѣдывалъ снисходительность…

Просидѣвъ часовъ до четырехъ, я уже собрался уѣзжать, какъ вдругъ онъ остановилъ меня и спросилъ:

— Да, вотъ чуть было не забылъ, — вы знаете гадалку-француженку Фильдъ?

— Знаю, а что?

— Мнѣ говорилъ про нее вашъ братъ; разсказалъ много интереснаго. Вы какъ ее знаете?

— Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, — отвѣчалъ я, — одна моя знакомая старушка, жившая тогда въ Москвѣ, упросила меня побывать у этой Фильдъ, показать ей ея фотографическій портретъ, выслушать то, что она скажетъ, и затѣмъ сообщать ей. Старушка увѣряла меня, что Фильдъ эта никакъ не можетъ назваться обыкновенной гадалкой, что это замѣчательная предсказательница; при этомъ она передала мнѣ много интересныхъ случаевъ ея сбывшихся пророчествъ. Я мало заинтересовался этими разсказами, но желая исполнить обѣщаніе, данное мною почтенной старушкѣ, пріѣхавъ въ Петербургъ, сейчасъ же отправился съ ея портретомъ въ этой француженкѣ.

— Ну, и что же? Какое она произвела на васъ впечатлѣніе? — живо и съ видимымъ интересомъ спросилъ Достоевскій.

— Странное, — это маленькая, живая старушка съ какимн-то особенными, черными глазами и необыкновеннымъ даромъ слова. Она меня совсѣмъ заговорила и заинтересовала, потому что очень вѣрно и опредѣленно описала характеръ моей знакомой, съ портретомъ которой я явился…

— Неужели вы ее ничего относительно себя не спросили?

— Спросилъ. Она предсказывала мнѣ больше часу, наговорила много вздору, но въ числѣ этого вздора сказала и такія вещи, которыя, какъ мнѣ тогда казалось, никакимъ образомъ не могли случиться и которыя, тѣмъ не менѣе, случились со мною во всѣхъ мельчайшихъ подробностяхъ, ею предсказанныхъ. Я былъ у нея еще разъ и она опять говорила мнѣ

много вздору и много правды. Во всякомъ случаѣ это интересная женщина и, мнѣ кажется, у нея бываютъ минуты вдохновенія.

— Ну вотъ, да, все это именно то, что я ужъ не разъ про нее слышалъ. Видите ли, не вѣрить въ возможность предсказаній нельзя, никакъ нельзя… это вздоръ! ужъ не говоря о томъ, что въ исторіи сохранилось многое въ этомъ родѣ, но почти каждый человѣкъ на себѣ знаетъ. Всѣ вѣрятъ и если не признаются, то единственно изъ малодушія, котораго въ насъ такъ много. Самъ вѣритъ, вѣритъ, можетъ быть, даже больше, чѣмъ бы слѣдовало — и въ то же время смѣется, глумится надъ искреннимъ человѣкомъ, который такъ прямо и скажетъ, что вѣритъ… Вы знаете ея адресъ? Пойдемте сейчасъ же, я хочу знать, что она мнѣ скажетъ!..

— Пойдемте, если она только живетъ тамъ же, гдѣ я былъ у нея въ послѣдній разъ, это недалеко — въ Басковомъ переулкѣ.

Мы отправились. Фильдъ жила въ томъ же домѣ и приняла насъ.

Ѳедоръ Михайловичъ былъ очень серьезенъ. Онъ попросилъ ое, чтобы она предсказывала ему въ моемъ присутствіи. Но француженка рѣшительно отказалась — это было не въ ея правилахъ.

— Въ такомъ случаѣ дѣлать нечего, — шепнулъ онъ мнѣ,- но я даю вамъ словѣ, не утаивъ, разсказать вамъ все, что она мнѣ скажетъ.

Я остался ждать въ крохотной гостиной и проскучалъ больше часу.

Наконецъ, Достоевскій вышелъ. Онъ былъ взволнованъ, глаза его блестѣли.

— Пойдемте, пойдемте! — таинственно шепнулъ онъ мнѣ.

Мы вышли и отправились пѣшкомъ. Онъ нѣсколько минутъ шелъ молча, опустивъ голову. Потомъ вдругъ остановился, схватилъ меня за руку и заговорилъ:

— Да, она интересная женщина, и я радъ, что мы къ ней отправились. Можетъ, она и наврала, но я давно не испытывалъ такого сильнаго впечатлѣнія. О, какъ она умѣетъ обрисовывать людей! Еслибъ вы знали, какъ она разсказала мнѣ мою обстановку!

— Что же она вамъ говорила? Вѣдь вы дали мнѣ слово размазать все безъ утайки!

— И разскажу, только не распространяйте этого между посторонними до времени; можетъ, все наврала, глупо выйдетъ…

Онъ передалъ мнѣ все, что она говорила ему о различныхъ его семейныхъ обстоятельствахъ. Потомъ оказалось, что больше половины не сбылось, но кой-что и сбылось. Она сказала ему,

между прочимъ, что весною у него будетъ смерть въ домѣ. И хотя въ подробностяхъ этого предсказанія было много вздорнаго, но смерть дѣйствительно случилась: тою же весною: умеръ его маленькій сынъ, внезапная кончина котораго сильно потрясла его. Но дѣло не въ этомъ, а въ другихъ предсказаніяхъ. Не догадываясь кто онъ и не умѣя опредѣлить его дѣятельность, Фильдъ предрекла ему большую славу, которая начнется въ скоромъ времени.

— Она сказала, — говорилъ онъ, — что меня ожидаетъ такая извѣстность, такой почетъ, о которыхъ я никогда не могъ и мечтать. Повѣрить ей, такъ меня на рукахъ будутъ носить, засыпать цвѣтами — и все это будетъ возростать съ каждымъ годомъ, и я умру наверху этой славы… Ну, вотъ, голубчикъ, можетъ быть, она врунья, только интересная… интересная врунья! А вѣдь я все-таки же теперь и буду ждать этой славы, и ужъ это утѣшительно!

— Хорошо, что она предсказала вамъ славу, — замѣтилъ я;- но вѣдь вотъ же она предсказала и семейное горе…

— Да, и я теперь такъ и думаю, что оно навѣрное будетъ. Я вамъ говорю: она произвела на меня очень сильное впечатлѣніе. Вѣдь другіе говорятъ общими мѣстами, болѣе или менѣе ловко; но сейчасъ же и замѣчаешь шарлатанство, каждое предсказаніе можно повернуть такъ или иначе — ну, а у нея все ясно, опредѣленно. Интересная женщина!..

Мы стали припоминать историческіе факты сбывшихся предсказаній, но онъ то и дѣло возвращался къ словамъ Фильдъ, повторялъ каждую ея фразу.

Я оставилъ его въ очень возбужденномъ состояніи.

Вернувшись домой, я засталъ у себя моего брата, въ тотъ же вечеръ у меня былъ Аполлонъ Николаевичъ Майковъ, и такъ какъ они оба были близки съ Ѳедоромъ Михайловичемъ и я зналъ, что сообщенное имъ не будетъ распространено, то и рѣшился разсказать имъ подробности предсказанія, сдѣланнаго француженкой.

Потомъ и самъ Ѳедоръ Михайловичъ сообщилъ кой-кому объ этомъ предсказаніи.

Ему недолго пришлось дожидаться его исполненія — всеобщее сочувствіе, горячее поклоненіе молодежи пришли внезапно, усиливаясь съ каждымъ днемъ, выражаясь шумными овaціями, подносимыми вѣнками и цвѣтами. Достоевскій достигъ такой популярности, какая еще до него не выпадала на долю русскаго писателя… И онъ скончался наверху этихъ успѣховъ.

Въ послѣдніе дни жизни этому вѣчному труженику, такъ долго плохо цѣнимому, улыбнулось счастіе… улыбнулась слава.

Онъ успѣлъ взглянуть на эту улыбку, что удается немногимъ даже изъ самыхъ знаменитыхъ дѣятелей

И хорошо, что «интересная» француженка не могла предсказать, что ему такъ мало остается жить, хорошо, что смерть пришла внезапно и застала его среди плановъ, надеждъ, среди мыслей о жизни… Печальное утѣшеніе — но все же онъ умеръ хорошей для него смертью.

X

Вспоминается мнѣ еще одно изъ нашихъ свиданій. Мнѣ нужны были для статьи біографическія свѣдѣнія о Ѳедорѣ Михайловичѣ, и я обратился къ нему за ними. Онъ охотно вызвался сообщить мнѣ все, что о себѣ помнилъ. Началъ, ограничиваясь перечнемъ чиселъ и фактовъ, но скоро, по своему обыкновенію, увлекся, сталъ разсказывать.

— Эхъ, жаль, что вы не можете помѣстить въ статью свою очень много интереснаго изъ моей жизни, но все же запомните, можетъ быть, потомъ кому-нибудь и скажете. Вы думаете у меня есть друзья? Когда-нибудь были? Да, въ юности, до Сибири, пожалуй что были друзья настоящіе, а потомъ, кромѣ самаго малаго числа людей, которые можетъ быть нѣсколько и расположены ко мнѣ, никогда друзей у меня не было. Мнѣ это доказано, слишкомъ доказано! Слушайте! Когда я вернулся въ Петербургъ, послѣ столькихъ-то лѣтъ, меня многіе изъ прежнихъ пріятелей и узнать не захотѣли, и потомъ всегда, всю жизнь друзья появлялись ко мнѣ вмѣстѣ съ успѣхомъ. Уходилъ успѣхъ и тотчасъ же и друзья уходили. Смѣшно это, конечно, старо, извѣстно всѣмъ и каждому, а между тѣмъ, всякій разъ больно, мучительно… Я узналъ о степени успѣха новой моей работы по количеству навѣщавшихъ меня друзей, по степени ихъ вниманія, по числу ихъ визитовъ. Расчетъ никогда не обманывалъ. О, у людей чутье, тонкое чутье! Помню я, какъ всѣ кинулись ко мнѣ послѣ успѣха «Преступленія и наказанія!» — кто годами не бывалъ — вдругъ явились, такіе ласковые… а потомъ и опять всѣ схлынули, два-три человѣка осталось. Да, два-три человѣка!..

А друзья были такъ нужны, жилось тяжело, кредиторы за горло хватали, тюрьмой грозили. И это на первыхъ-то порахъ моей новой семейной жизни!.. Четыре года я протосковалъ за-границей, а вернуться боялся — опять то же, опять кредиторы и заключеніе за долги… За-границей не разъ бѣдствовать приходилось — не будь Каткова, который всегда выручалъ, просто пропадать пришлось бы!.. Ну, стоитъ мнѣ теперь получить большой успѣхъ, большую популярность — столько друзей явится, что и не оберешься. Будутъ и искренніе — о, конечно! только какъ ихъ распознаешь?! Успѣхъ — это, знаете ли, какая вещь — это величайшій соблазнъ, тутъ всякое чувство мѣры теряется, человѣкъ вдругъ слѣпнетъ и дѣлается слабымъ, проводи его кто хочетъ, надувай самымъ грубымъ манеромъ — всему повѣритъ, все приметъ за чистую монету…

— Успѣхъ, — продолжалъ онъ больше и больше оживляясь, —

успѣхъ одного служитъ успѣхомъ для многихъ. На чужомъ успѣхѣ многіе строютъ свои планы и достигаютъ кое-чего: и имъ перепадаетъ кусочекъ… Стоитъ человѣку получить большой, рѣшительный успѣхъ, популярность, настоящую, съ которой ужъ нельзя спорить, которую ужъ никакими хитростями но уничтожишь, не уменьшишь, — и смотришь: за этимъ человѣкомъ непремѣнно хвостики… хвостики! «Возлѣ виднаго человѣка и меня, дескать, замѣтятъ». О, сколько въ такихъ случаяхъ можно сдѣлать интересныхъ наблюденій! только тотъ, за кѣмъ эти «хвостики», такихъ наблюденій не сдѣлаетъ, ибо вдругъ теряетъ чувство мѣры… Да, только что же объ этомъ — поживете, много такого увидите!..

Онъ замолчалъ и сталъ стучать пальцемъ по столу, хмуря брови.

XI

Въ послѣдніе два года жизни Достоевскаго я почти съ нимъ не видался. Я провелъ эти два года въ Царскомъ Селѣ, пріѣзжая въ Петербургъ только по дѣламъ, окончивъ которыя всегда спѣшилъ обратно домой. Дѣла, работы, семейное горе, неудобство сообщенія — все отдалило меня на это время отъ старыхъ знакомыхъ. Мнѣ не удалось и въ самые послѣдніе мѣсяцы жизни Ѳедора Михайловича съ нимъ видѣться, хотя я снова переселился въ Петербургъ: долгій карантинъ, начавшійся у меня въ домѣ, былъ тому причиной.

За все это послѣднее время, за эти краткіе годы предсмертныхъ успѣховъ Достоевскаго, многіе, конечно, могутъ сообщить объ немъ интересныя свѣдѣнія. Онъ велъ уже не прежнюю уединенную жизнь, онъ былъ окруженъ ежедневно прибывавшими цѣнителями. Говорятъ, онъ получалъ много писемъ отъ совсѣмъ даже неизвѣстныхъ ему людей изъ различныхъ мѣстъ Россіи и отвѣчалъ на эти письма. Все это, конечно, интересно.

За это время могутъ говорить о немъ и его старые друзья и знакомые, которые продолжали съ нимъ видѣться, и его новые цѣнители, которымъ удалось узнать его, сблизиться съ нимъ въ его предсмертные годы. Наконецъ, могутъ говорить о немъ за это время и тѣ, кого онъ называлъ «хвостиками». Я же «пока» долженъ ограничиться этими отрывками моихъ воспоминаній. Мнѣ хотѣлось только помянуть, употребляя его же выраженіе, «большого» для меня человѣка…

1904

notes

Примечания

1

Послѣ кончины Ѳ. М. Достоевскаго былъ поднятъ вопросъ о томъ, когда появились у него первые припадки падучей болѣзни — до Сибири или послѣ. Оказались разногласія. Нѣкоторыя близкія къ Ѳ. М. лица утверждали, что онъ страдалъ падучей задолго до ссылки въ Сибирь. Быть можетъ, онъ самъ спуталъ. Я же привожу дословно его разсказъ мнѣ, который записалъ тогда же, вернувшись домой, и въ которомъ, поэтому, не можетъ быть ошибки. Вс. С.